

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA

VOL. II

Florida • Georgia • Hawaii • Idaho • Illinois • Indiana • Iowa • Kansas

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA — VOL. II

L'ORÉAL THROUGH GILLETTE · 04

Флорида, Джорджия, Гавайи, Айдахо, Иллинойс, Индиана, Айова, Канзас. Второй отрезок американского пути; общий арктический пролог сохранён здесь полностью и свёрнут для тех, кто читает серию подряд.

Нулевая глава — общее начало

Эта вступительная глава общая для всех шести томов «Женщин Соединённых Штатов». Здесь она приведена полностью и свёрнута, чтобы серию можно было читать подряд, без повторов.

НУЛЕВАЯ ГЛАВА

Здесь мир — не территория: это предел. Северный полюс не встречает, не прощает, не оставляет места для ошибки. Белое царит как абсолютная сущность, безмолвная и без памяти. Температура — не метеорологические данные: это хищник. Ночь длится месяцами, давит мысли, искажает очертания людей, поглощает их волю.

Общины немногочисленны, малы и замкнуты. Инуиты, юпики, арктические народы живут там, где никто не решился бы остаться. Здесь каждый человек необходим для выживания группы. Если ты не полезен, ты становишься обузой. А те, кто становится обузой, исчезают в тишине, в снегу, в логике среды, которая не идёт ни на какие уступки.

Научные станции добавляют холод другого рода: холод иерархий. Здесь женщина — редкость, аномалия, которая должна приспособиться или погибнуть.

В этом месте понятия «исчезновение» не существует. Есть только белое, которое стирает всё.

Женщины инуитов и юпиков

Арктическую девочку не балуют: её готовят. Она рано учится выдерживать холод, темноту и голод. Она должна стать полезной для рода, потому что здесь идентичность не личная. Она функциональна. Женщина несёт на себе бремя семьи и общины: еда, огонь, дети, шкуры, забота. Никто не говорит о правах. Никто не говорит о хрупкости. Депрессия существует, но у неё нет имени. Насилие существует, но у него нет свидетелей.

Женщина научных станций

Образованная, компетентная, привыкшая к дисциплине. Она приезжает как исследовательница, техник, врач. Она быстро обнаруживает, что Северный полюс не признаёт дипломов. Здесь важна только душевная стойкость. Над ней господствуют мужские иерархии, и любой признак слабости толкуется как слабость. Это среда, где силы недостаточно: нужен предельный самоконтроль.

Западная женщина «извне»

Выросшая на свободе, она приезжает в уверенности, что сможет покорить холод. Но это место её ломает: одиночество, крошечные пространства, бесконечное молчание. Станции — не общины, это механизмы. И женщина внутри механизма,

придуманного мужчинами, должна бороться, чтобы не исчезнуть.

Путешествие на край света

Мой сосед Антонио, которого все звали Нино, годами говорил о Нордкапе, о полуночном солнце, о месяцах без темноты. Это была мечта, которую он носил в кармане, как что-то невозможное. Однажды майским утром я позвонил в его дверь и сказал только одно: «Собирай чемодан. Я вернусь через час. Вернёмся через 30 дней». Он посмотрел на меня удивлённо, счастливо. Его жена, встревоженная, спросила, что мы задумали. «Гнаться за мечтой», — ответил я.

Мы сели в машину. Наши жёны смотрели на нас как на сумасшедших. Но эта поездка была настоящей. У Нино уже было полно вопросов. «Куда мы едем? Сколько денег взять?» «Расслабься, — сказал я ему. — Через 54 часа будем на месте. Всего 5000 км. Мы в новом Range Rover. Наслаждайся дорогой».

Каждые 300 км мне приходилось останавливаться: он, на двенадцать лет старше меня, жил в своём ритме. У меня были вода и напитки; у него — кофе и физические потребности. И чем дальше мы ехали, тем больше он рассказывал о своей жизни. О таких вещах, которых я никогда бы не узнал, если бы не эта бесконечная дорога.

Двое мужчин одни в машине всё время говорят о женщинах. Он знал только свою жену. Я смеялся. Я его успокоил: «Мы такие же».

Он спросил, как мне удаётся не сойти с ума, ведя машину 60 часов. Я рассказал ему о России, когда в 22 года я проехал за рулём 51 час, чтобы встретиться с женщиной, которую

никогда не видел. «Расстояния — не пределы, — сказал я ему. — Это отговорки. У меня их никогда не было».

Прибытие в белое

Мы въехали в Норвегию. Хостел у дороги. Машину мы оставим там и дальше поедem на санях.

Проводник был закутан с головы до ног, непроницаем. Когда он снял очки, я обнаружил, что это женщина. Норвежка, молчаливая, прямая, ледяная. Нино посередине саней, она впереди, я со своими 190 см сзади, замыкающим.

Было ещё светло. Часы показывали время, но не говорили, ночь сейчас или утро. Это было полуночное солнце. Мы добрались до Нордкапа.

Нино плакал. Он обнял меня. Я сказал ему со смехом: «Осторожно... люди могут подумать, что мы геи». Мы смеялись, но мы были на краю света.

Потом пришёл мороз: -52°C .

Вход в настоящую Арктику

Нас отвели в металлический контейнер переодеться. Невероятно тяжёлые стёганные комбинезоны, застёгнутые на сложные молнии.

Я заплатил проводнице. Нино оставили в иглу с какими-то мужчинами; меня — в другом, с семьёй: старик лет семидесяти-восемидесяти и три женщины от тридцати до пятидесяти.

Это был замкнутый мир. Простой. Жестокий.

Мужчина держался в стороне. Женщины задавали ритм. А туалетом служил холмик в пяти метрах от иглу: какашки замерзали, не успев коснуться земли. Моё первое пи-пи превратилось в жёлтую арктическую звезду. Это Север со мной здоровался.

Женщина средних лет, Маги, немного говорила по-английски. Остальное — жесты, глаза, руки. Язык холода.

Когда я не понимал, как пользоваться комбинезоном, она, не задумываясь, коснулась моего паха, чтобы показать скрытую молнию. Ни злого умысла, ни смущения: только функция. Выживание.

Три дня в иглу

Принесли еду. Копчёную рыбу, сырую рыбу, печень трески, китовое брюхо. И шарики из акулы. Выбора не было. Альтернативы не было. Это было то, что даёт природа.

Потом я выпил красную жидкость. Я думал, это вино. Это была процеженная, прокипячённая, подслащённая китовая кровь. Я её выпил. Она дала мне силу, какой я никогда раньше не чувствовал. Первобытную энергию. Я подумал, что это кокаин. Нет. Это Север входил в тело.

Женщины наблюдали за мной. Старик уходил на охоту. Я отдыхал и пил кровь. Три дня без телефона, интернета, компьютера, без Нино. Только я и они.

Ночи не было. Только свет, огонь, лёд и дыхание.

Три женщины легли спать. Я искал себе место. Самая молодая подняла руку и знаком позвала меня ближе. Они расхохотались. Я не понимал. Они сказали, что я их «Рождество».

Так они говорили, что меня приняли.

Я попытался дать им немного денег в благодарность. Они отказались. Они хотели только объятий. И нескольких слов по-калабрийски, чтобы почувствовать себя ближе.

Там я понял цену настоящих подарков: тех, что нельзя ни купить, ни продать.

Прощание проводницы

Через три дня приехала проводница. Она целый час говорила с тремя женщинами. Я был снаружи. Я не понимал, о чём они говорят. Это было не моё дело. Это был их язык, их мир, их закон.

В контейнере, пока я раздевался, вошла проводница. Любопытная. Прямая. Северная. Она крепко меня обняла. Она меня поцеловала. Её кожа была белой, как молоко. Её глаза были синими, как августовское небо.

Она попросила увезти её. Она сделала бы что угодно, лишь бы выбраться из этого мира.

Я уважительно улыбнулся. Я не мог. Я не должен был.

Я оставил ей только одно обещание: «Если тебе что-нибудь понадобится, напиши мне письмо. Я помогу». Она отказалась даже от денег. Она была красивой женщиной, но одинокой. Одиночество, которого не видно издалека. Одиночество, которого холод не прощает.

Возвращение домой

Мы поехали забрать Нино. Он был в восторге. Он не хотел возвращаться. Но у меня была встреча с его женой.

Он всем рассказывал о своих трёх днях. Я молчал. Я никогда ничем не делился с женщиной. Только с бумагой.

И вот, пока Нино возвращался в свой мир, я уже был на пути в другой. Другое место назначения. Другая встреча.

Добро пожаловать.

Эпилог

Север не забирает тебя: он тебя меняет. И никогда

не возвращает целым. Мужчины приезжают на Северный полюс в поисках света, тишины, фотографий, мечтаний. Женщины остаются, чтобы выжить.

Мужчины рассказывают о том, что видели. Женщины молчат о том, что пережили.

Мужчины возвращаются. Женщины остаются. Они остаются в холоде, в снежных домах, в неслышанном молчании. Они остаются, чтобы держать на себе общины, которые их не чествуют. Они остаются, чтобы защищать детей, стариков, чужаков. Они остаются невидимыми.

Оттуда я увёз только одно воспоминание: красивая, невероятно красивая женщина, но одинокая. Не в романтическом смысле. В человеческом. В трагическом.

Размышление

Север не убивает тело. Он убивает присутствие. И остаётся белое: место, где женщины живут и исчезают одновременно.

Вот почему я пишу. Потому что крайние места не рассказывают свою историю сами. А те, кто через них

проходит, не могут позволить себе роскошь молчать.

Только не я. Только не я. Моя земля меня родила, а остальной мир принимает меня не как гостя, а как члена семьи.

Из абсолютной белизны Севера я спустился в абсолютную неразбериху Соединённых Штатов.

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Невозможное задание

Восемнадцать лет работы в американской компании дают то, чего не даст ни одна другая компания в мире: рабочую культуру, процедуры, ясную миссию и систему ценностей, которые не теория — это ежедневная практика. Тебе их не объясняют; их в тебе выстраивают. И делают это, не спрашивая твоего разрешения.

Я был в нью-йоркском офисе, когда мне предложили работу, какую я и вообразить не мог. Не повышение. Не перевод. Эксперимент.

Конфиденциальная программа, созданная, чтобы проверить модель человеческих отношений внутри Соединённых Штатов. Выбирали не менеджеров, не психологов, не тренеров. Выбирали людей с определённым опытом реальной жизни. И всплыло моё имя — хотя я восемнадцать лет проработал в продажах. Смотрели не на должность: смотрели на ум.

Задание было просто объяснить и невероятно трудно выполнить:

за один год объехать 50 американских штатов, самому выбирая города и оставаясь в каждом не меньше недели.

Последние две недели — принудительный отпуск. Все расходы они брали на себя. Мне оставалось только жить, наблюдать, понимать и каждый понедельник сдавать отчёт. Человеческий, сухой, точный отчёт.

Я подписал контракт. Предупредил домашних. Они ни о чём не спросили. Им только хотелось знать, пришли ли деньги на месяц. Мне предстоял год в Америке. Им, как всегда, — следующий месяц.

На всякий случай зарплату перечисляли прямо на мой банковский счёт в Италии. Это был вежливый способ сказать мне: «Не делай глупостей. Живи на то, что есть. Посмотрим, кто ты на самом деле».

Только пятнадцать лет спустя я получил доступ к своим исходным отчётам, к анализам и к материалам, которые обо мне собрали. Отсюда и родилась эта книга. Я получил разрешение её опубликовать при одном условии: никогда не называть компанию, которая её заказала.

Это не важно. Эта история не о логотипах. Она о человеке в стране, которую невозможно понять, пока не проживёшь её сам.

Начать с самой дальней точки?

Логичнее всего было начать с окраин, а не с центра. По двум простым причинам:

1. Я только что вышел из эксперимента: высокая ясность, предельное внимание.

2. Начав с крайней точки, я мог по ходу скорректировать курс и чисто завершить путь.

Мне не нужно было начинать с Бостона или Чикаго. Начинать надо было с границы. С места, которое было Америкой только на бумаге.

Я выбрал Джуно, столицу Аляски. Изолированную. Добраться туда можно только на корабле или самолёте. Город, который никому не принадлежит. Идеальное место для начала.

Оптимизировать ресурсы

Перед отъездом я сделал то, что американец уважает прежде всего: организовался как профессионал, а не как турист.

Я позвонил в три самые популярные авиакомпании, с самыми большими внутренними сетями. Меньше чем за час я купил книжку на пятьдесят внутренних перелётов со скидкой 60%.

Без ограничений по времени. Без ограничений по дням. Без запретов. Только одно условие: использовать их в течение года.

То же самое я сделал с сетями отелей, такси Uber и компаниями по прокату машин, а потом составил настоящий план этапов, способов передвижения, но не сроков.

Я был готов.

Это был мой первый настоящий успех. Первый знак того, что я умею двигаться. Америка вознаграждает тех, кто действует, а не тех, кто ждёт.

Когда компания увидела эту операцию, она сделала то, что всегда делает американская культура: проверила надёжность.

Способен ли я выдержать год постоянного движения?
Способен ли справляться с неожиданностями, расстояниями,
чрезвычайными ситуациями? Самостоятелен ли я?

Поэтому перед отъездом я уладил ещё одну важнейшую
деталь:

я добился, чтобы месячный лимит моей кредитной карты был
не меньше 100 000 долларов.

Не для того, чтобы их тратить. Для того, чтобы показать, что
мы способны ими управлять. Американцы думают так: если у
тебя нет самостоятельности, у тебя нет свободы. А если у тебя
нет свободы, тебя нельзя оценить.

С этого момента программа перестала быть заданием. Она
стала миссией.

А ТЕПЕРЬ — НАСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Аляска входит в Соединённые Штаты только по географии.
Это другой мир.

Это место, где женщины исчезают бесследно. Где жалоба
никогда не доходит до адресата. Где города — лишь островки
цивилизации посреди дикого континента.

Джуно был моим первым испытанием: столица, у которой нет
дорог, связывающих её с остальной страной. Кусок Америки,
который не ощущается как Америка.

Здесь я начал кое-что понимать: путешествие будет не
географическим. Оно будет человеческим.

БЛОК 1 (Том I)

Алабама – Аляска – Аризона – Арканзас – Калифорния – Колорадо – Коннектикут – Делавэр – Флорида – Джорджия

БЛОК 2 (Том II)

Гавайи – Айдахо – Иллинойс – Индиана – Айова – Канзас – Кентукки – Луизиана – Мэн – Мэриленд

БЛОК 3 (Том III)

Массачусетс – Мичиган – Миннесота – Миссисипи – Миссури – Монтана – Небраска – Невада – Нью-Гэмпшир – Нью-Джерси – Нью-Мексико

БЛОК 4 (Том IV)

Нью-Йорк – Вашингтон

БЛОК 5 (Том V)

Северная Каролина – Северная Дакота – Огайо – Оклахома – Орегон – Пенсильвания – Род-Айленд – Южная Каролина

БЛОК 6 (Том VI)

Южная Дакота – Теннесси – Техас – Юта – Вермонт – Вирджиния – Западная Вирджиния – Висконсин – Вайоминг

ФЛОРИДА

Флорида — живой парадокс.

Это штат, который мир видит как место для отпуска: пляжи, солнце, парки развлечений, пальмы, коктейли, тёплое море,

Майами, Орландо, Тампа. Краски повсюду. Постоянная видимость счастья.

Но те, кто там живёт, знают, что Флорида — это ещё и: — хроническая бедность — неподъёмная аренда — глубокое неравенство — хищнический туризм — циклические штормы — сезонная работа — хрупкие общины — запредельно высокое домашнее насилие — старики, брошенные на обочине.

Это штат с двумя лицами: открытка для туриста и реальность для женщин, которые держат его на ногах. Об отсутствии женщин во Флориде говорят мало. Оно прячется под песком, под морем, под обязательными улыбками. Но оно видно там каждый день.

Работающая женщина исчезает из-за социальной перегрузки, вечной нестабильности, нехватки услуг, невидимых ролей, на которых держится экономика и которых никто не признаёт.

Это исчезновение рабочее, а не символическое.

Сиделка для стариков — 52 года

Флорида — дом престарелых Америки. Здесь живут миллионы пожилых людей, многие без семьи, другие с тяжёлыми болезнями.

Держат их не учреждения: их держат женщины.

Она сиделка, помощница по уходу, работница дома престарелых. Часто работает в тяжёлых условиях: длинные смены, низкая зарплата, сложные пациенты, частные заведения, которые экономят на всём, и огромная ответственность.

Она должна поднимать тела, давать лекарства, убирать, мыть, слушать, успокаивать, держать.

У неё нет времени на себя. У неё нет денег, чтобы отложить. Её жизнь вращается вокруг чужой хрупкости.

Её отсутствие физическое: нет ни одного дня, который по-настоящему принадлежал бы ей.

Если её не станет, никто её не заменит. Система не может держаться без неё, но делает вид, что может.

Официантка из туристической зоны — 26 лет

Флорида живёт туризмом. Туризм живёт женщинами.

Она работает в ресторанах, отелях, барах, курортах, парках развлечений, казино, пляжных клубах. У неё нет графика: у неё смены. У неё нет стабильности: у неё сезоны. У неё нет карьеры: она просто выживает.

Её жизнь — это: — обязательные улыбки — бесконечные просьбы — чаевые, которые решают месяц — наглые клиенты — менеджеры, которые заменят её за минуту — непрерывный эмоциональный труд.

Ночью она поздно возвращается, уставшая. На следующее утро всё начинается снова.

Её отсутствие моральное: для туристов её не существует. Она услуга, а не человек.

Она видит море каждый день, но оно не для неё.

Иммигрантка из внутренних районов — 31

год

Вдали от пляжей и современных городов лежит настоящая Флорида: поля, теплицы, маленькие бедные городки, ручной труд.

Женщина-иммигрантка — часто латиноамериканка или гаитянка — держит на себе всё, что штат не хочет показывать: — уборку домов — сельское хозяйство — упаковку продуктов — плохо оплачиваемые услуги — неформальную работу нянкой — ночные смены в мотелях. Такие женщины боятся властей, живут на малом и отправляют деньги домой. Многие одни, другие растят маленьких детей в суровых районах.

Её отсутствие одновременно экономическое и языковое: она плохо говорит по-английски, не знает, как попросить помощи, у неё нет настоящих прав. Система её использует. А когда она больше не нужна, бросает её.

Это женщина, которая держит Флориду в чистоте, а Флорида даже не признаёт, что она существует.

Женщина, которая живёт со штормом, — 37

лет

Флорида живёт под постоянной угрозой ураганов. Каждый сезон приносит тревогу: подготовку, заколоченные окна, ожидание, надежду.

Когда приходит шторм, кто защищает дом, детей, документы, то немного, что есть? Всегда она.

Многие женщины живут в: — передвижных домах — старых квартирах — опасных прибрежных зонах — окраинных кварталах.

Каждый ураган — это эвакуация, потеря работы, вода, которую сгоняешь с пола, спасение того небольшого, что осталось.

И часто — в одиночку.

Её отсутствие экологическое: штат обещает защиту, но сильнее всех бьёт именно по ним, и им приходится рушиться и начинать всё с нуля. С каждым штормом они теряют то, чего никто не может им вернуть: силы, время, душевное равновесие.

Эпилог — Флорида

Флорида живёт в постоянном контрасте: абсолютный свет и абсолютная тьма. Международный туризм и местная нестабильность. Видимое богатство и структурная бедность.

Женщины здесь не исчезают за одну ночь. Они медленно истощаются — между сменами, жарой, ураганами, клиентами, стариками, детьми, ненадёжной работой и непомерной стоимостью жизни.

Отсутствие женщин во Флориде — не событие. Это процесс.

Непрерывное вычитание энергии, времени, достоинства и признания.

Система выживает благодаря им, но ведёт себя так, будто их не существует.

Размышление — Флорида

Флорида учит одной простой вещи: женское отсутствие может быть разноцветным.

Чтобы стереть женщину, не нужны ни холод Аляски, ни история Алабамы, ни суровость Аризоны.

Иногда хватает: – туриста, который не видит – старика, который зависит от тебя – работодателя, который эксплуатирует – урагана, который уносит всё – зарплаты, которой никогда не хватает – невозможной аренды – культуры, которая не признаёт невидимый труд. Флорида – это место, где женщины работают на солнце, но живут в тени.

Вот почему она в этом томе. Потому что она показывает правду: даже самое счастливое место на свете может быть самым жестоким к тем, кто держит его на ногах.

ДЖОРДЖИЯ

Джорджия — штат двойной: современный снаружи, древний в глубине.

Атланта движется быстро: технологии, аэропорты, музыка, университеты, чёрный бизнес, национальная политика. Остальной штат, однако, стоит на месте: сельская местность, пищевая промышленность, религия, консерватизм, устойчивая бедность.

Это край, который вписал себя в историю гражданских прав, но оставил позади многих своих женщин.

Джорджия не стирает женщин явным насилием. Она стирает их тяжестью традиции, непоколебимой бедностью, семейными обязанностями, которые никто не делит, тяжёлым, недоплаченным трудом, который кажется нормой.

Здесь женщины — опора, мотор, центр. И именно поэтому их принимают как должное, считают чем-то само собой

разумеющимся, используют, перегружают, не замечают при принятии решений.

Джорджия — штат, который живёт на плечах женщин и ведёт себя так, будто эта ноша естественна.

Женщина пищевой промышленности — 30 лет

Джорджия — одна из американских столиц куриной и мясной промышленности. Огромные заводы, бесконечные производственные линии, тяжёлые смены, холодные цеха, непрерывный шум.

Женщина, которая здесь работает, сталкивается с: — изматывающим однообразием — порезами, ушибами, хронической болью — постоянным надзором — давлением производственных норм — шаткими контрактами — зарплатой, которая никогда не растёт.

Пищевая промышленность не останавливается никогда: ни из-за болезни, ни из-за беременности, ни из-за семейных проблем.

Если её нет, через полчаса её кто-нибудь заменит. Никто не спрашивает почему. Никто не смотрит, что она несёт на плечах.

Её отсутствие индустриальное: она сведена к детали машины. К номеру, который должен работать. Не к жизни, которую надо понять.

Женщина чёрных общин — 48 лет

В чёрной Джорджии женщина — это всё: мать, работница, проводник, духовная опора, историческая память.

Это она содержит большую семью, работает в доме и вне дома, тянет детей, а часто и внуков, держит вместе целые общины, когда мужчины исчезают — из-за ненадёжной работы, болезней, тюрьмы или депрессии.

Она играет огромную роль, которую никогда не признают.

В Атланте она работает в: — школах— здравоохранении— офисах— государственных службах— транспорте— социальной помощи. На сельском Юге — ещё больше: — сельское хозяйство— магазины— церкви— уход за стариками— неформальная поддержка разбитых семей

Её отсутствие социальное: все её используют, все от неё требуют, но никто не ставит её в центр решений.

Это женщина, которая держит на себе целый народ и никогда не может позволить себе рухнуть.

Женщина, которая живёт между верой и контролем —

44 года

Джорджия — один из самых религиозных штатов Америки. Церковь здесь — не духовность: это социальная организация.

Для многих женщин вера — единственное место, где можно дышать. Но многие оказываются в ловушке той же самой структуры.

Жёсткие роли: — преданная жена— мать, которая всегда рядом— порядочная женщина— активная участница общины

Строгие правила: — не показывать слабость — не «пятнать» семью — не перечить мужчине на людях — не отступать от традиционных ролей.

Для многих женщин религия — убежище. Для других — контроль.

Её отсутствие культурное: она не может по-настоящему выразить, кто она, потому что община даёт ей готовый образ. Она улыбается по обязанности, а не по выбору.

Невидимая женщина окраин — 32 года

За пределами Атланты время замедляется. Маленькие города, минимум услуг, бедные школы и почти никакого транспорта.

Женщины здесь живут жизнью, полной мелких проблем без решения: — низкие зарплаты — растущая аренда — слабые школы — далёкая медицинская помощь — повсеместные зависимости — отсутствие возможностей — физический или однообразный труд.

Они работают в супермаркетах, фастфудах, на складах, на уборке, в местных лавках. Каждый месяц — денежная битва. Каждый год похож на предыдущий.

Её отсутствие территориальное: она живёт в месте, которое не меняется и не даёт измениться ей.

Её держит в ловушке не закрытая дверь, а целая неподвижная география.

Эпилог — Джорджия

Джорджия — штат, который требует знать, куда смотреть. Если смотришь на Атланту, думаешь, что видишь современность. Если смотришь на сельский Юг, видишь древнюю историю. Если смотришь на промышленность, видишь самую тяжёлую часть экономики. Если смотришь на общины, видишь лишения, переодетые в нормальность.

Женщины здесь не исчезают внезапно. Они медленно изнашиваются под: – жёсткими традициями – тяжёлым трудом – навязанными ролями – тихой бедностью – огромной ответственностью – общинами, которые много просят и мало дают.

Отсутствие женщин в Джорджии — не пустота. Это ноша.

Ноша, которую женщины несут, никогда не жалуясь, потому что никто вокруг не приучил их к тому, что их слушают.

Размышление — Джорджия

Джорджия показывает жёсткую правду: есть штаты, где женщин стирает не травма, а привычка.

Нормально, что она держится. Нормально, что она делает больше. Нормально, что она везде. Нормально, что она не рушится. Нормально, что она улыбается, даже когда устала.

А когда что-то становится «нормальным», его перестают видеть.

Джорджия учит, что отсутствие может построить сама традиция: явное насилие не нужно, достаточно социальной роли, навязанной десятилетиями.

Женщины здесь не просят, чтобы их заметили. Они просто просят, чтобы их не пожирала система, которую они держат.

И этого достаточно, чтобы поставить её в самое сердце тома.

ГАВАЙИ

Гавайи — самый изящный обман Соединённых Штатов.

Для мира это рай: пляжи, бирюзовая вода, сёрфинг, идеальный климат, открытки, туризм из каталога. Краски повсюду, видимое спокойствие, захватывающая природа.

Но настоящие Гавайи совсем другие: – запредельно высокая стоимость жизни – низкие зарплаты – земля в руках немногих – туризм, пожирающий ресурсы – вытесненные на обочину местные общины – стёртая или проданная идентичность – бедность, спрятанная за идеальными пейзажами.

Женщины здесь исчезают не из-за явного насилия. Они исчезают, потому что живут на земле, которая продаёт миру одну картинку и прячет другую от тех, кто в ней живёт.

Их отсутствие двойное: – невидимы в цифрах туризма – невидимы в американском культурном рассказе.

Гавайи не стирают женщин одним ударом. Они стирают их медленно. Экономикой. Туризмом, который не оставляет места. Украденной идентичностью.

Женщина гостеприимства, 34 года

Гавайи живут туризмом. Администраторы на ресепшн, официантки, горничные, обслуживание номеров, спа, экскурсии. Женщины здесь — сердце этой системы.

Она работает там, где всё кажется идеальным, а на деле: – бешеный темп – низкие зарплаты – постоянные требования – невозможный график – менеджеры, которые требуют обязательной улыбки – клиенты, которые часто относятся к ней как к «части пакета».

Она живёт с двумя постоянными проблемами:

1. неподъёмная аренда (многие делят жильё на 3–4 человек)

2. запредельная стоимость жизни (всё стоит вдвое

дороже, чем на материке)

Вокруг неё природный рай, но её жизнь — ежедневная гонка с расходами.

Её отсутствие — экономическое: она работает в раю, который ей не по карману.

Коренная гавайка, 29 лет

Коренная женщина — сердце Гавайев и самая обделённая фигура.

История ясна: колонизация, потеря земли, навязанная культура, агрессивный туризм. Её жизнь — равновесие между традицией, семьёй, работой и культурным сопротивлением.

Часто она работает в самых необходимых сферах: — школы — здравоохранение — помощь общине — социальные программы — традиционное земледелие — культурные инициативы.

Её роль огромна, но её не признают. Её культуру продают миру как фольклор: танцы, музыка и символы превращены в развлечение для туристов.

Её отсутствие — культурное: её идентичность показывают, но не уважают.

Она присутствует повсюду как образ и отсутствует повсюду как голос.

Женщина, на которой держатся многопоколенные

семьи, 46 лет. На Гавайях много семей, где живут несколько поколений: не по традиции, а по экономической необходимости.

Три поколения в одном доме, часто маленьком: бабушки и дедушки, родители, дети, братья и сёстры.

Женщина здесь — хребет всей конструкции: — она работает — она готовит — она занимается детьми — она ухаживает за стариками — она служит мостом между разными языками — она ведёт счета — она справляется с проблемами без помощи.

Свободного времени у неё почти нет. Почти нет личного пространства. Огромный эмоциональный груз.

Её отсутствие — домашнее: от неё зависят все, но никто не видит, кто она на самом деле.

Семья — её сила и её клетка.

Женщина, которая живёт между одиночеством и природой, 32

года

За пределами Гонолулу и курортов лежит пёстрый архипелаг: отдалённые острова, маленькие деревни, изолированные общины.

Работа здесь — это: — сельское хозяйство — рыболовство — ремонт и обслуживание — мелкие услуги — самые необходимые школы — забота об общине.

Из материковой Америки её жизнь кажется простой. Она тяжела: мало транспорта, медицина далеко, возможностей

почти ноль, повсюду зависимости, заоблачные цены и привычная душевная изоляция.

Её отсутствие — географическое: она живёт за пределами карт власти и национального воображения.

Природа — это красота и одиночество.

Эпилог – Гавайи

Гавайи — место, где всё двойное: красота и тяжкий труд, богатство и бедность, образ и реальность, туризм и вырванные корни.

Женщин здесь стирает не драма, а экономика. История. Наступающий туризм. Сокрушительная стоимость жизни. Идеальный рассказ, который показывает всё, кроме них.

Отсутствие женщин на Гавайях вызвано тем, что: — идентичность украдена — труд недооплачен — культура продана — семьи тяжелы — личного пространства нет — будущее неясно.

Гавайи кажутся лёгкими. Это не так.

Размышление – Гавайи

Каждый штат показывает другое лицо отсутствия. На Гавайях у отсутствия цвет моря, форма песка, голос эксплуатируемой традиции.

Здесь женщина видна как образ и невидима как человек. Её используют в туристическом маркетинге, в фольклоре, который продают приезжим, на идеальных фотографиях курортов.

Но её настоящая жизнь: – дорогая – изнурительная – полная обязанностей – полная компромиссов – почти лишённая социального роста.

Гавайи учат, что даже рай можно построить на отсутствии тех, кто в нём живёт.

И поэтому этот штат есть в книге: не как место мечты, а как доказательство того, что мир смотрит на поверхность и не замечает тех, на ком держится реальность.

АЙДАХО

Айдахо — штат, который живёт в тени. Он не шумит, не привлекает внимания, и остальная Америка почти никогда о нём не говорит.

Это горы, сельское хозяйство, картофель, скот, холод, расстояния, тишина. Земля, богатая природой и бедная возможностями. Штат, где время идёт медленно, а жизнь женщин — ещё медленнее.

Айдахо не стирает женщин зрелищным насилием. Он стирает их одиночеством, суровой религией, нехваткой услуг, географической удалённостью, рассеянной бедностью и культурой, которая считает само собой разумеющимся, что всё держится на женщинах. Отсутствие женщин здесь — порождение географии: пространства огромны, ресурсов мало, общины закрыты.

Женщина сельского хозяйства, 36 лет

Айдахо живёт земледелием и животноводством. Женщины всегда были частью этой цепочки. Их не называют «помощницами», но без них ничего не работает.

Она работает в поле, в хлеву, ведёт дом и растит детей, часто не отделяя работу от личной жизни.

Подъём до рассвета, животные, ледяная вода, уборка, сбор урожая, еда, приготовленная на всех. Без выходных. Без отдельной оплаты. Всё это — «семья».

Её отсутствие — экономическое: она работает как мужчина, но официально «она не работает».

Её нет в зарплатах, документах, статистике. Она существует только в усилении.

Женщина консервативных церквей, 42

года

В Айдахо сильно присутствие религии, часто консервативной. Здесь женщина должна воплощать определённые образцы: мать, жена, набожная, молчаливая, достойная, всегда доступная.

Община наблюдает. Судит. Поправляет.

Она не может позволить себе выйти из роли: любое отклонение — пятно на семье. Её отсутствие — культурное: она не исчезает физически; она исчезает внутри отведённой ей роли.

Она присутствует повсюду, но не может выразить себя.

Женщина невидимых профессий, 30 лет

За пределами ферм и церквей — маленькие города: Нампа, Айдахо-Фолс, Покателло.

Здесь женщина работает: – кассиршей – уборщицей – оператором колл-центра – продавщицей – работницей фастфуда – помощницей в школе.

Работа, на которой держатся целые общины, но которая не даёт карьеры, не позволяет расти и не гарантирует безопасности.

Её отсутствие — социальное: политика не считает её жизнь «важной», она не попадает в программы развития, её нет в публичном разговоре.

Это женщина, которая держит на плаву «обычный» Айдахо, та, о которой никто не говорит.

Женщина, которая живёт на расстоянии, 51 год

В Айдахо дома и общины разделены часами пути. Длинные дороги, далёкие больницы, мало школ и мало магазинов.

Женщина, которая живёт здесь, сталкивается с: – душевной изоляцией – суровыми зимами – далёкой медициной – вечным ожиданием помощи – жизнью целиком в доме – повсеместными зависимостями – скрытой бедностью. Если случится беда, она одна. Если у неё проблема, она ждёт. Если она устала, никто этого не видит.

Её отсутствие — географическое: она исчезает в расстоянии. Она существует, но вне карты.

Эпилог – Айдахо

Айдахо — штат лесов, гор и тишины. А в тишине женщины теряются легче.

Её отсутствие — не скандал, не новость, не цифра. Это ежедневная пустота, созданная: — жёсткими ролями — тяжёлой сельской жизнью — трудной географией — слабой экономикой — религией, которая навязывает и не слушает.

Айдахо ранит не шумом. Он ранит равнодушием.

Размышление – Айдахо

У каждого штата своя форма отсутствия. В Айдахо отсутствие принимает форму расстояния.

Здесь женщину не выталкивают из системы: система её даже не видит.

Она невидима, потому что живёт там, куда ничего не доходит: ни информация, ни медицина, ни политика, ни возможности.

Айдахо показывает, что не нужна трагедия, чтобы стереть присутствие женщин. Достаточно земли, которая движется медленнее жизни.

И поэтому этот штат есть в томе: потому что его отсутствие не шумит, но давит, как гора.

ИЛЛИНОЙС

Иллинойс — штат крайних контрастов. Чикаго — огромный мегаполис, промышленное и финансовое сердце Среднего Запада. Культурный гигант, жестокий, творческий и раздробленный. Остальной штат — совсем другая история: деревня, маленькие города, сельское хозяйство, скрытая бедность и консервативный склад ума.

Это двойная территория: мегаполис и деревня, современность и упадок, возможности и провал, университеты и

заброшенные кварталы.

В Иллинойсе женщины исчезают не по одной причине. Они исчезают, потому что им приходится жонглировать слишком многими разными мирами, слишком многими сломанными системами, слишком многими ежедневными требованиями, которые никогда не кончаются.

Её отсутствие — городское, сельское, экономическое и социальное. Оно зависит от того, где она живёт, но итог один: она несёт груз, а не признание.

Женщина из тяжёлых районов Чикаго,

32 года. В Чикаго два города в одном: тот, что показывают в кино, и тот, на который никто не хочет смотреть.

Она живёт во втором. В районах, где: — насилие — норма — школы слабые — магазины закрываются — медицина слишком дорогая — власть не дотягивается — полиция приезжает поздно или приезжает плохо.

Она работает, где может: фастфуд, супермаркеты, уборка, низкооплачиваемые детские сады, минимальный уход. У неё не одна проблема: их десять сразу. Дети, которых надо защитить, аренда, которую надо платить, медленный транспорт, невозможный график, враждебная среда.

Её отсутствие — городское: она живёт во всемирно известном городе, который никогда не смотрит в её сторону.

Женщина больниц и клиник, 44 года

В Иллинойсе одни из самых важных медицинских учреждений страны. За этими громкими именами — тысячи

женщин: медсёстры, техники, операторы, сиделки и вспомогательный персонал.

Это они держат на плаву: – приёмные отделения – перегруженные отделения – хрупких пациентов – ночные смены – постоянные экстренные случаи.

Это работа, которая не даёт передышки, которая изматывает тело и душу.

Её отсутствие — рабочее: если она остановится, рухнет вся система, но её голос весит меньше, чем её труд.

Это женщина, которая лечит всех, а её не лечит никто.

Сельская женщина, 50 лет

За пределами Чикаго и вдали от университетов лежит сельский Иллинойс, который мало кто знает: огромные поля, пустые дороги, маленькие школы, далёкие больницы.

Женщины здесь живут в трудной реальности: – сезонное земледелие – жизнь целиком в доме – закрытые общины – мало услуг – повсеместные зависимости у мужчин – душевная изоляция. У неё нет возможностей. У неё нет альтернатив. У неё нет сети поддержки.

Её отсутствие — территориальное: она исчезает в расстоянии не потому, что ничего не стоит, а потому, что живёт там, куда мир не дотягивается.

Латиноамериканка в сфере услуг, 29 лет

В Иллинойсе огромная латиноамериканская община, особенно в Чикаго и его промышленных пригородах.

Женщины-иммигрантки — невидимая опора целых отраслей:
— общепит — уборка — уход за стариками — гостиницы —
лёгкие производства — работа няней — дистрибуция.

Она много работает. Мало зарабатывает. Работает на двух
работах. Говорит по-английски как может. Растит детей одна
или почти одна.

Это женщина, которая позволяет другим жить удобно,
никогда не получая того же пространства.

Её отсутствие — экономическое и языковое: у неё нет голоса,
нет защиты, нет времени жаловаться.

Эпилог — Иллинойс

Иллинойс — сложный и тяжёлый штат. Женское отсутствие
здесь не одно. Их как минимум четыре, все разные, все
настоящие:

— городское — медицинское — сельское — мигрантское

Декорации меняются, но результат — нет: женщины делают
всё то, что государство перестало делать.

И пока она держится, она исчезает. Иллинойс стирает
женщин не потому, что их не замечает. Он стирает их, потому
что считает их само собой разумеющимися.

Размышление — Иллинойс

Каждый штат доказывает правду. Иллинойс доказывает вот
что:

даже когда женщина повсюду, она может отсутствовать во
всём, что имеет значение.

Она в больничных сменах, в бедных кварталах, в одиноких сельских краях, на невидимых работах латиноамериканской экономики.

Она присутствует в каждой необходимой функции, но исключена из-за каждого стола, где решается будущее штата.

Отсутствие женщин в Иллинойсе пропорционально их вкладу: чем дольше они держатся, тем меньше их видно.

И именно это порочное уравнение делает эту главу необходимой.

ИНДИАНА

Индиана — штат, который живёт привычками, а не переменами. Это срединная Америка, та, что не попадает в новости, ничего не требует, проживает свой день так, будто всё останется как есть.

Это земля: — консервативного христианства — сельского хозяйства — маленьких городов — машиностроения — бесконечных шоссе — медленного темпа, который не прощает усталости. Это не штат, который взрывается. Это штат, который изнашивает. День за днём.

Женщины здесь исчезают не из-за явной травмы. Они исчезают, потому что им приходится справляться со структурой, которая была придумана не для них: семья, работа, религия, жёсткие роли, маленькие общины, тяжёлые ожидания.

Женское отсутствие в Индиане — норма.

Социально принятая. Как будто женщинам естественно быть людьми второго сорта.

Фабричная женщина, 33 года

Индиана полна заводов: автомобили, двигатели, комплектующие, станки. Длинные, однообразные, шумные производственные линии.

Женщина здесь работает на: – сборке – проверках – сборочных конвейерах – контроле качества – промышленных складах.

Тяжёлый темп, изнурительные смены, тело, которое изнашивается.

Зарплаты хватает, но она не освобождает. Жизнь остаётся прежней: дом → завод → дом.

Её отсутствие — физическое: работа съедает её до сорока лет. Боль, спина, руки, колени. Тело, на котором стоит подпись производственной системы.

Это женщина, которая производит двигатель Америки и не может позволить себе то, что строит.

Женщина евангелических церквей, 45

лет

Индиана — один из самых религиозных штатов Среднего Запада. Евангелические церкви повсюду, со сплочёнными общинами и чётко очерченными ролями.

Здесь женщина живёт внутри точного периметра: – жена – мать – воспитательница – набожное присутствие –

нравственный образец семьи.

Проблема не в вере. Проблема в общественном контроле, который её окружает.

Если она разводится, её судят. Если она меняет жизнь, её изолируют. Если она не следует правилам, она становится дурным примером.

Её отсутствие — культурное: она не может показать себя такой, какая она есть, только такой, какой должна быть.

Она присутствует повсюду, но всегда в навязанной роли.

Сельская женщина, 51 год

За пределами маленьких городов и заводов лежит сельская Индиана: огромные поля, разбросанные дома, маленькие общины, долгие молчания.

Женщины здесь живут без поддержки: — мало врачей — нет транспорта — далёкие магазины — школы с минимальными средствами — сезонная работа в поле — полная ответственность за дом.

У неё нет запаса. У неё нет страховочной сетки. У неё нет альтернатив. Её отсутствие — географическое: она живёт слишком далеко от всего, и никто не строит услуги, которые бы до неё дошли.

Это медленная, забытая Америка, и она в ней заперта.

Женщина минимальных услуг, 29 лет

В городах Индианы — Форт-Уэйне, Эвансвилле, Саут-Бенде — женщины тянут работу, которую никто не хочет видеть:

– низкооплачиваемая кассирша – уборщица – официантка в сетях фастфуда – сиделка для стариков – продавщица круглосуточного магазина – неофициальная няня

Она много работает, мало зарабатывает и живёт вечно в следующем месяце.

Её проблема не только в деньгах. Она в голове: она не видит будущего. Не видит роста. Не видит возможности что-то улучшить.

Её отсутствие — социальное: она необходима в повседневной жизни каждого и в то же время считается заменимой за минуту.

Эпилог – Индиана

Индиана — неподвижный штат. А в неподвижные времена женщины сбиваются с пути быстрее.

Здесь нет великих революций, нет великих реформ, нет толчка к переменам.

Женщина держит на себе: семью, работу, общину, религию.

И пока она держится, она исчезает. Её отсутствие сделано из нормальности: это не новость, не скандал, не чрезвычайная ситуация.

Это медленное и непрерывное вычитание.

Размышление – Индиана

У каждого штата своя форма отсутствия. В Индиане это форма рутины.

Здесь женщина приходит к невидимости и живёт с ней под давлением трёх сил: – традиции – работы, которую не видно – общин, которые судят вместо того, чтобы слушать.

Нормальность становится клеткой. Роль становится идентичностью. Усилие становится долгом.

Индиана учит, что женское отсутствие можно построить и без злого умысла: достаточно, чтобы никто никогда не спрашивал, как женщина на самом деле.

И поэтому этот штат есть в книге: потому что не нужна трагедия, чтобы стереть человека. Хватает повседневности.

АЙОВА

Айова — аграрное сердце Америки. Бескрайние просторы кукурузы, сои, фермы, силосные башни, прямые дороги, далёкие дома. Со стороны штат кажется простым: работа, семья, тишина. Но те, кто там живёт, знают, что простота — это маска. За ней скрывается сложность, которую никто не объясняет.

Айова ни современная, ни отсталая: она стоит на месте. Прочное, аграрное, консервативное, практичное стояние на месте. Штат, где всё решает цикл земли, а женщины должны подстраиваться под ритм, который не считается с их жизнью.

Здесь женщины исчезают не из-за драматических событий. Они исчезают из-за постоянной усталости, неизменных ролей, отсутствия альтернатив, огромной пустой земли, которая съедает их время, силы и идентичность.

Отсутствие женщин в Айове — аграрное, домашнее и душевное. Это медленное исчезновение, которого никто не

видит, потому что оно кажется «нормальным».

Фермерша, 37 лет

Она не «помогает» на ферме. Она работает всегда.

Она встаёт до рассвета, управляет со скотиной, готовит инструменты, ухаживает за посевами, убирает, готовит еду, организует, водит машину, чинит. Это бесконечный круг: сезон за сезоном, год за годом.

У неё нет зарплаты. Нет рабочих часов. Нет защиты.

Работа считается «семьёй» и поэтому исчезает из цифр, счетов и признания.

Её отсутствие — экономическое: она делает 50% работы, но её нигде нет.

Она необходима, но в документах её не существует.

Женщина, которая живёт между религией и

общиной, 45 лет. Церкви в маленьких городах Айовы влиятельнее власти. Они решают роли, поведение и границы. И для женщин сценарий всегда один и тот же:

– мать – жена – достойная фигура – вовлечённая в общину – никогда не выходящая за рамки

Она не может развестись без клейма. Не может изменить жизнь без осуждения. Не может показать себя хрупкой без «вмешательства» общины.

Её отсутствие — культурное: её идентичность принадлежит не ей, а общине.

Она живёт внутри роли, а не внутри себя.

Женщина минимальной работы, 31 год

В средних городах — Де-Мойне, Сидар-Рапидсе, Давенпорте — женщины держатся на работах, которые поддерживают весь штат:

– кассирша – уборщица – официантка – работницы фастфуда
– персонал домов престарелых – няни – низкооплачиваемые сиделки для стариков

Длинные смены, низкие зарплаты, никакой мобильности.

Её жизнь — сумма маленьких усилий: забитый график, дети, расходы, бензин, растущая аренда, зарплаты, которые никогда не меняются. Её отсутствие — социальное: без неё всё останавливается, но никто не считает её ключевой фигурой экономики.

Её считают заменимой, хотя на деле заменить её нельзя.

Женщина, которая живёт на расстоянии, 52 года

Айова огромна. Есть дома в 30, 40 или 50 минутах от супермаркета. До клиники бывает час езды. Школ мало. Транспорта почти нет.

Женщина, которая живёт здесь, сталкивается с: – суровыми зимами – бедами без помощи – болезнями, с которыми справляется сама – душевной изоляцией – полной ответственностью за дом и детей – нехваткой впечатлений, связей, общин поблизости.

Если что-то случится, часами рядом никого. Если она сломается душевно, ей некому рассказать. Если у неё проблема, она справляется как может.

Её отсутствие — географическое: она исчезает в расстоянии. В расстоянии, которого мир не видит, потому что сам его не проживает.

Эпилог — Айова

Айова — штат, который живёт молчаливым трудом. Земля не издаёт ни звука. И женщины, которые её держат, — тоже.

Их отсутствие — ежедневное: не бросается в глаза, не видно, о нём не сообщают. Они держат на себе семью, ферму, работу и общину. И пока они держатся, они исчезают в обязанностях.

Айова не стирает женщин. Она просто на них не смотрит.

Размышление — Айова

Каждый штат открывает одну сторону отсутствия. В Айове отсутствие принимает форму тяжёлой нормальности.

Это мысль, что «так было всегда», что женщины должны поддерживать, а не требовать, что их тяжкий труд естественен, что их голос важен меньше, чем земля, семья, аграрный ритм.

Айова учит, что женскому отсутствию не нужно насилие. Достаточно традиции, которую никто не ставит под сомнение.

И поэтому она входит в книгу: чтобы показать Америку, которая не меняется, и женщин, которые платят цену её неподвижности.

КАНЗАС

Канзас — огромное пустое пространство. Поля, ветер, прямые дороги, вечные горизонты. Для многих это всего лишь проход

между более важными штатами. Для тех, кто там живёт, это география, которая лепит их жизнь: изоляция, традиция, сельский труд, маленькие общины, которые меняются медленно, если меняются вообще.

Канзас не убивает женщин явным насилием. Он убивает их повторением, одиночеством, отсутствием альтернатив, культурой, которая не сдвигается ни на дюйм.

Это штат, где давит всё: дорога, расстояние, религия, сельский труд, суд общины.

Женщина здесь исчезает не из-за события. Она исчезает из-за ритма. Ритма, который никогда не ставит её в центр.

Женщина больших ферм, 38 лет

Канзас живёт промышленным земледелием. Огромные машины, интенсивные урожаи и работа без конца.

Здесь женщины — необходимая часть цепочки: — они водят технику — они ухаживают за животными — они ведут семейные счета — они готовят еду на всех — они следят за сроками, семенами, урожаем — они занимаются ремонтом — они смотрят за домом и детьми.

Она работает столько же, сколько мужчина, часто больше. Но официально она «домохозяйка».

Её отсутствие — экономическое: она создаёт ценность, но её нет ни в доходах, ни в документах, ни в статистике.

Это колонна без признания.

Женщина маленьких общин, 47 лет

Маленькие города Канзаса устроены как закрытые организмы. Все друг друга знают. Все друг друга обсуждают. Все друг друга судят. Женщины живут в жёстких ролях: – мать – жена – набожная фигура – постоянное присутствие в церкви – опора общины – участие в местных школах.

Она не может изменить жизнь так, чтобы за ней не следили. Не может развалиться так, чтобы на неё не навесили ярлык. Не может начать заново так, чтобы её не осудили.

Её отсутствие — культурное: она принадлежит не себе; она принадлежит общине.

Она не свободна: она функциональна.

Женщина, которая работает в минимальных услугах, 33

года

В средних городах — Уичито, Топике, Оверленд-Парке — женщины делают базовую работу общества:

– кассирша – уборщица – продавщица продуктового магазина
– официантка – работница дома престарелых – помощница в школе

Она много работает, мало зарабатывает. У неё нет роста, нет карьеры, нет инструментов.

Её жизнь состоит из: нестабильных смен, детей, за которыми надо смотреть, бедных общественных услуг и аренды, которая съедает половину зарплаты.

Её отсутствие — социальное: она делает всё, но для государства она не приоритет.

Она заменима. И это её стирает.

Женщина, которая живёт на расстоянии, 53 года

Канзас огромен. Разбросанные дома, бесконечные дороги, города, разделённые десятками километров.

Женщина, которая живёт здесь, сталкивается с полным одиночеством: – далёкие больницы – редкие школы – плохой транспорт – мало соседей – почти никакой социальной поддержки.

Зима длинная. Лето суровое. И всё — каждая проблема — ложится на неё.

Если сломается машина, она ждёт. Если нужен врач, она часами едет за рулём. Если она рухнет душевно, у неё нет сети поддержки.

Её отсутствие — географическое: она исчезает на территории, построенной не для того, чтобы её защищать, а только для того, чтобы её пересекать.

Эпилог – Канзас

Канзас — простой штат. Но его простота обманчива. За тишиной, полями, ветром и пустыми улицами скрывается постоянная борьба, которой никто не видит.

Здесь женщины держат всё, на чём держится штат: землю, дом, семью, общину, работу.

И пока она держится, она исчезает.

Её отсутствие состоит из: – жёстких ролей – изоляции – безымянного сельского труда – минимальных услуг –

душевного и физического расстояния. Канзас стирает женщин не травмой. Он стирает их привычкой.

Размышление – Канзас

Каждый штат открывает форму отсутствия. Канзас открывает самую молчаливую из всех: ту, что построена географией и традицией.

Здесь женщина может прожить всю жизнь внутри роли, внутри расстояния, внутри непризнанной работы, так и не найдя времени и места подумать о том, кто она на самом деле.

Канзас учит, что отсутствию женщин не нужны крайнее насилие или бедность. Достаточно земли, которая не меняется, и культуры, которая не слушает.

И поэтому этот штат здесь: чтобы показать, как сельская Америка нагружает женщин, ни разу этого не признав.

Ferdinando Frega